

ВОЗНАГРАЖДЕННОЕ ДОВЕРИЕ

ГОГОЛЬ, Чехов, Мольер... Согласитесь, бесценное богатство для любого театра. Для молодого же, родившегося в начале 80-х годов, в особенности. Драматический театр имени Йозефа Катоны из Будапешта продемонстрировал на гастролях в Москве поразительное доверие к классике. И в свою очередь классика щедро одарила актеров и режиссуру глубокими и острыми мыслями, гуманистическими идеалами, емкими и сложными человеческими характерами, способностью воспринимать сегодняшний мир в его крепких связях с прошлым и будущим.

Спектакли «Ревизор», «Три сестры», «Мизантроп» органично включаются в напряженную дискуссию, которая не первый год идет в мировом театре, о том, как ставить классику, чтобы она максимально активно откликнулась на современную жизнь. Гости из Будапешта предлагают свои решения этой вечной и всегда интригующей проблемы. Пути, указываемые ими, различны в каждом отдельном случае. Мы следуем за экспериментами театра, соглашаемся и спорим и в результате чувствуем себя в общей творческой лаборатории, где царит дух неуспокоенности, поиска.

Признаюсь, что я не сторонница прямого переноса сюжета, персонажей классических произведений в наши дни. Своего рода «пересадка» живых художественных организмов в иные условия чаще всего добром не кончается. Та или иная доля раздвоенности, психологической, эмоциональной, у исполнителей появляется: и на драматурга оглядываться надо (все-таки история! — подчас даже весьма далекая), и убеждать самого себя и всех сидящих в зале, что герой, которого играешь, твой и его сосед, современник. Маскарад, только наоборот, — прошлое рядится в одежды XX века. Театр из Будапешта несколько развеял предубеждение по отношению к уже примелькавшемуся приему.

«Ревизор» Гоголя разыгран весело, озорно. Режиссер Габор Жамбеки погружает нас в стихию яркой, бравурной, увлекательной театральности. Видно, бюрократизм в самом деле явление, затянувшееся на века, причем не в одной только России. Текст Гоголя легко ложится на сегодняшнюю ситуацию борьбы с чванливостью, корыстолюбием, бездушием и произволом чиновничества. Атмосфера живой, остроумной игры требует импровизаций. Вспоминаются «лацци» итальянской народной комедии. Актеры с упоением используют все возможности модернизированной декорационной установки (художник Чорс Кхелль), виртуозно играют с предметами.

Центр спектакля — Хлестаков (Янош Бан).

Молодой актер с восторгом принимает условия сценического существования, предложенные ему постановщиком. Он превращает роль в каскад буффонных, фарсовых приемов и приспособлений. Повеса, врун, «без дари в голове», его Хлестаков в то же время вовсе не главное социальное зло в спектакле. Он прежде всего порождение зла, дитя своего времени, послушная игрушка в руках истинных «режиссеров» представления на тему «к нам приехал ревизор», состоявшегося в одном из провинциальных российских городов.

Истинное зло запечатлено в групповом портрете чиновников, возглавляемых Городничим Петера Блашко. В этом групповом портрете трудно различить большие и меньшие актерские удачи. Но важнейшую задачу постановки режиссер увидел именно в создании группового образа, состоящего из естественно дополняющих друг друга фигур.

Конечно, пьеса не во всем согласуется с замыслом спектакля. Драматический конфликт между Гоголем и Габором Жамбеки намечается во второй половине постановки. Режиссер исключил из спектакля сцены с унтер-офицерской вдовой и слесаршей, свел до минимума толпу купцов, оставив только одного из них, зато расширил эпизоды ухаживания Хлестакова за женой и дочкой Городничего. Ухаживанием дело не ограничивается и предложением вступить в брак с Марьей Антоновной тоже. Перед зрителями разворачивается обстоятельное «сексуальное» зрелище. Летят в воздух, как мячики в руках жонглера, красные мужские и женские трусики, сушатся на веревке дамские колготки. Социальный пафос, различимый в первой части спектакля, начинает улетучиваться из второй. Кажется, что Гоголь, улыбаясь сквозь слезы, вопрошает: «Ну зачем же так, господа?». Дань изживающей себя на театре моде дает о себе знать.

Иной подход к классике предстал в спектакле «Три сестры» Тамаша Ашшера. Постановка в хорошем смысле традиционна, все исторические реалии пьесы строго соблюдены. Современное истолкование драмы проступает отчетливо, но отнюдь не навязчиво. Вместе с актерами мы вглядываемся в знакомые лица

персонажей и вдруг обнаруживаем что-то новое, не замеченное ранее. Остро проступают необычайная человеческая близость, существующая между сестрами, их взаимопонимание, присущий им и объединяющий их такт по отношению к другим людям, в чем и проявляется их интеллигентность. Юли Башти, вчерашний гротесковый Городничиха, играет Машу с тонким ощущением природы русского женского характера, словно сотканного из противоположных порывов, способного на самозабвенную любовь. Сознательно подчеркнуты страдания действующих лиц, свидетельствующие «об известном нравственном подъеме, которого уже достигло общество». Эти страдания нарастают по мере развития действия, они все более обретают характер нервно-психически болезненных, истерических взрывов, когда уже невозможно более рассуждать, а только кричать во весь голос.

В 80-е годы режиссеры разных стран (Брук, Штайн) все чаще видят в героях Чехова взрослых детей, которые до конца своих дней способны сохранить наивность, беспомощность, нерасчетливость, не ведая, что их ждет впереди. Таких «детей» можно встретить в спектакле Тамаша Ашшера — Ирина (Аги Сиртеш), Тузенбах, в особенности второй. Янош Бан лиричен, строг, предельно правдив и по-настоящему возвышен в роли Тузенбаха. С первого акта страшным предсказанием звучат слова Солениго: «Года через два-три вы умрете от кондрашки или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой...». Тузенбах, более других жаждущий трудиться и быть счастливым, должен был погибнуть, равно как Солениго не мог его не застрелить. Поединок Тузенбаха и Солениго — это трагическое столкновение мечты и позы, идеалиста и мещанина. Остальные персонажи как бы проверяют себя и свою жизнь смертью Тузенбаха.

Даже не заглядывая в программу, где точно указаны даты премьер, можно догадаться, что «Мизантроп» — режиссер Габор Секей — самая поздняя работа театра. Мастерство актеров здесь поднялось на новую ступень. Слаженность ансамбля отличается наибольшим совершенством. Но лидируют, как это задумано ав-

тором, двос — Альцест (Дьердь Черхалми) и Селимена (Дороття Удварош). Актеры превосходно ощущают стиль эпохи, когда была написана пьеса, легко и грациозно «обживая» причудливый стеклянный лабиринт, прозрачный и запутанный, воссозданный на сцене художником Чабой Анталом. Они выражают также дух времени, в которое живут, с его заботами, трудностями, борьбой. На сцене — трагедия разума, бессильного изменить что-либо в обществе, где царят лицемерие, фальшь, разврат, и комедия чувств, любовных чувств, не способных сделать героев счастливыми. Оттого так грустно выражение глаз красавицы и умницы Селимены, оттого полна муки усмешка Альцеста.

За последнее время театры приучили нас к финалам-многоочиям, «открытым» финалам, не дающим ответы на поставленные в спектаклях вопросы. Пусть, мол, зритель все подумает сам, пусть поработает, возвратясь домой. Финалы постановок венгерского театра, напротив, напоминают восклицательные знаки. Они категоричны, подготовлены всем развитием действия. И все же, когда финал наступает, обнаруживается вдруг какая-нибудь шокирующая неожиданность. Так, падает лифт на голову настоящего ревизора — тихого, скромного современного молодого человека, решившегося было навести порядок в вотчине Городничего. Бьются, рыдают в отчаянии, что им никогда не узнать, зачем они живут, зачем страдают, сестры Прозоровы. А Альцест, оказывается, еще может быть, вернется к Селимене. Во всяком случае, нацеловавшись вволю, Элианта (Агнеш Верталан) и Филдинг (Габор Матэ) бросились за ним влогонку...

Значит, ничто в мире не подлежит переменам? Все останется, как было? Скорее речь идет об обратном. Борьба с общественными пороками, с социальным злом, с нравственной распущенностью столь трудна, что требует максимальной сосредоточенности, мобилизации всех сил, чтобы вступить в эту борьбу. Хочется верить, что Театр имени Й. Катоны с успехом продолжит начатое дело. Потому что этот коллектив талантлив.

А. ОБРАЗЦОВА.